

А.Г.ВИШНЕВСКИЙ

ТРУДНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ДЕМОГРАФИИ

"На протяжении последних трех десятилетий демография играла роль ведущей дисциплины в концерте гуманитарных наук. Строгостью методов, богатством гипотез, глубиной полученных результатов она привлекла внимание всех специалистов, изучающих общество и человека. Своим примером она способствовала развитию многих смежных дисциплин и объединению их усилий" [1].

"Идея о науке демографии лишь сеет иллюзии о ее возможностях и отвлекает внимание от изучения вопросов населения учеными тех наук, в задачу которых это входит" [2].

ВИШНЕВСКИЙ Анатолий Григорьевич - доктор экономических наук, академик Российской академии естественных наук, руководитель Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. Адрес: 117418 Москва ул. Красикова д. 32, тел. 129-39-44

Незавершенные перемены

Слова, вынесенные в первый эпиграф, попались мне на глаза в середине 80-х годов. Демографы в СССР существовали в атмосфере, определявшейся, скорее, вторым эпиграфом, долгие годы вели борьбу за элементарное выживание, и мне понадобилось время, чтобы переварить прочитанное и понять, что цитированные слова содержали не так уж много преувеличения. Речь не просто о словесной оценке научных заслуг, которые всегда можно оспорить. Демография во всем мире сумела стать практически нужной, занять свое, порой даже исключительное место среди других общественных наук. А что происходило в это время у нас?

Предыстория. В конце XIX — начале XX веков в России существовал немалый интерес к демографическим проблемам, была проведена первая всеобщая перепись населения (1897), серьезные исследования вели В.Борткевич, А.А.Чупров, Ю.Янсон, С.Новосельский и другие ученые. Эти традиции были восприняты и развиты в первый послереволюционный период. С успехом прошла перепись населения 1926 года, были созданы два исследовательских демографических института — в Киеве (1919) и Ленинграде (1930), появилось много новых заметных имен. Рядом с демографами, приобретшими известность еще до революции (В.Михайловский, П.Куркин, С.Новосельский), работали более молодые (М.Птуха, В.Паевский, Ю.Корчак-Чепурковский, С.Томилин, А.Хоменко). Какое-то время демографические исследования в стране находились на подъеме. Это, однако, продолжалось недолго. Уже в начале 30-х годов всюду шло засекречивание демографической информации, постепенно переходившее в ее фальсификацию. В частности, была объявлена "вредительской" перепись населения 37-го года и в 39-ом проведена новая, результаты которой больше устраивали руководство страны. Свертывание исследований привело к ликвидации обоих

демографических институтов — ленинградского в 34-ом и киевского в 39-ом. Почти исчезли публикации, жестокие репрессии обрушились на самих демографов. В.Паевский, ведущая фигура ленинградского демографического института, через несколько часов после решения о закрытии института скончался от сердечного приступа (в 41 год!). За короткое время были арестованы и расстреляны три сменявших друг друга руководителя государственной статистической службы — В.Осинский (кстати, автор известного исследования о международных миграциях), И.Краваль, И.Верменичев. Расстреляли руководителя переписей населения 1926 и 1937 годов О.Квиткина, украинского демографа А.Хоменко. Погиб в лагере другой руководитель переписи 1937 года Л.Брангендлер. Через арест, тюрьмы и лагеря прошли М.Птуха, Ю.Корчак-Чепурковский, Б.Смулевич, М.Трацевский, А.Мерков, М.Курман... Полного списка репрессированных демографов не существует до сих пор.

Попытки нескольких уцелевших демографов хоть как-то сохранить научные традиции пресекались в корне. В 1945 году вышел написанный на высоком уровне учебник демографической статистики А.Боярского, посвященный в основном методам количественного анализа в демографии. Однако и эта идеологически нейтральная книга подверглась суровой проработке. В предисловии к новому изданию, вышедшему в 1951 году, А.Боярский каялся в совершенных ошибках и подчеркивал, что теперь внимание сосредоточено на воспитании молодежи "в духе советского патриотизма, ненависти к реакционной буржуазной лженауке и буржуазным порядкам"; что же касается "изложения самих математических приемов, используемых в демографической статистике", то оно "в настоящем учебнике значительно сокращено и упрощено" [3].

Еще один пример — судьба известного демографа Б.Ц.Урланиса, в конце 40-х годов преподававшего статистику в Московском университете. В марте 49-ого в ходе кампании по борьбе с "космополитизмом" в газете "Московский университет" появилась статья, где утверждалось, что "на экономическом факультете долгое время подвизался оголтелый космополит, апологет и проповедник англо-американского империализма профессор Урланис". Через месяц он был уволен "за низкое идейно-политическое содержание лекций, выразившееся в восхвалении буржуазного статистического учета и принижении деятельности советской статистической науки". В приказе об увольнении отмечалось, что "профессор Урланис аполитичен и совершенно не владеет марксистской методологией" [4].

Первые пятнадцать из пятидесяти послевоенных лет для советской демографии прошли впустую, не оставив ни сколько-нибудь значительных исследований, ни новых имен. Отдельные редкие исключения, немногие публикации, которые делают честь их авторам [5], а тем более схоластические упражнения по поводу "социалистического закона народонаселения", не заслуживающие даже упоминания, не способны изменить этого общего итога.

Время надежд. Перемены начались только с конца 50-х годов. В 1959 году, после 20-летнего перерыва, прошла Всесоюзная перепись населения — само ее проведение и публикация результатов способствовали росту общественного интереса к демографическим вопросам, тем более, что они пришлись на период, когда в советском обществе стала пробуждаться способность критически смотреть на собственное развитие и хотя бы робко обсуждать реальные проблемы. В первой половине 60-х возобновились демографические исследования на экономическом факультете МГУ, во вновь

созданном научно-исследовательском институте ЦСУ СССР, в Институте экономики украинской Академии наук (где в то время еще работал М.В.Птуха), в ряде других научных центров Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Ташкента, Риги, Еревана, других городов. Все в более широких масштабах публиковались книги, собирались научные конференции. По инициативе Д.Валентея была развернута подготовка демографов широкого профиля в Московском университете; специалистов, больше ориентированных на работу со статистической информацией и количественный анализ, готовил Московский экономико-статистический институт. Демографические и смежные исследования в масштабах страны координировали два научных совета, действовавшие в системе Академии наук и Министерства высшего образования. Установлению междисциплинарных контактов между исследователями, причем не только московскими, способствовал такой общественный форум, как Демографическая секция московского Дома ученых, основанная по инициативе Б.Урланиса. Важную роль играла редакция демографической литературы издательства "Статистика" (позднее "Финансы и статистика")¹. Но возрождение советской демографии наталкивалось на целый ряд непреодолимых препятствий.

Информационный голод. Одно из таких препятствий — бедность или недоступность статистической информации о демографических процессах. Ее основным поставщиком была система государственной статистики, которая очень медленно приспособлялась к требованиям современного демографического анализа, часто не располагала даже элементарными данными². Положение менялось медленно. Например, только в 1970 году в программу переписи населения был включен вопрос о числе рожденных детей; с 1979 года (впервые после 26-ого) при переписи стали получать данные о распределении населения по всем категориям брачного состояния; в 1989 году появился вопрос о месте рождения; проведенная в России (уже после распада СССР) микроперепись позволила получить данные о домохозяйствах. Однако если государственная статистика и располагала теми или иными сведениями, очень многие из них никогда не публиковались, были полностью или частично недоступны исследователям. В этом смысле интересна история публикаций результатов переписей населения: материалы переписи 26-го года заняли более 50 томов, 59-го — 17, 70-го — 7, 79-го — один том (только десять лет спустя, уже в новых исторических условиях малым тиражом было издано 10 томов материалов этой переписи). Не лучше обстояло дело и с текущими статистическими данными, даже самыми элементарными. Курьезом стал запрет на публикацию данных о распределении родившихся по полу. Долгое время была "закрыта" практически вся информация, касающаяся смертности. Лишь в 1975 году впервые вышел не слишком богатый информацией демографический ежегодник, а следующий появился только через 13 лет, уже в горбачевскую эру (с тех пор они стали выходить регулярно).

¹ Для тех, кто заинтересуется историей советской демографии второй половины XX века, важным подспорьем послужит серия библиографических указателей, а также два издания Демографического энциклопедического словаря [6].

² Так, долгое время не существовало информации о брачной и внебрачной рождаемости; и по сей день нет удовлетворительных данных о распределении аборт по возрасту женщин; советские переписи населения не давали обычной в международной практике информации о домохозяйствах и т.д.

Информационная цензура распространялась и на продукцию самих исследователей. Например, существовал запрет на публикацию любых демографических прогнозов: при издании книги Б.Урланиса "Проблемы динамики населения СССР" (1974) из нее был изъят большой кусок, содержащий составленный автором такого рода прогноз.

Оторванность от мирового научного сообщества.

Возрождающаяся советская демография опиралась в основном на освоение отечественного научного наследия (к счастью, немалого), но оставалась в стороне от стремительного подъема, пережитого в первые послевоенные десятилетия демографией на Западе. "Железный занавес" здесь был столь же непроницаем, как и в других областях интеллектуальной жизни. Большинство советских демографов не имело возможности регулярно читать западные журналы (многих из них не было даже в крупнейших московских библиотеках), следить за литературой, не говоря уже о прямых контактах с зарубежными коллегами, участии в международных научных конференциях или международных научных союзах. До второй половины 80-х годов все это было привилегией очень узкой группы "проверенных" людей, не всегда самых компетентных в профессиональной области.

Демографы прилагали немало усилий для выхода из изоляции, в частности, с помощью публикаций на русском языке работ зарубежных авторов. В 1968 — 1983 годах, при решающем участии А.Г.Волкова издавалась серия книг "Новое в зарубежной демографии" (вышло 17 сборников статей западных и восточноевропейских демографов). В 1977-1982 годах появилось три сборника переводных статей под общим названием "Проблемы народонаселения". Были изданы на русском языке и отдельные монографии (например, "Общая теория населения" А.Сови, "Демографический анализ" Р.Пресса, "Процесс старения населения" и "Продолжительность человеческой жизни" Э.Россета). В какой-то мере новые научные идеи проникали в СССР благодаря посредничеству восточноевропейских коллег, у которых было больше связей с Западом и сотрудничество с которыми (правда, тоже очень дозированное) было доступно некоторым советским ученым. Но все это не могло заменить нормальных каналов общения и нейтрализовать тормозящее влияние международной изоляции, которая, кстати сказать, находила поддержку и среди самих демографов. Еще в 1980 году в рецензии на рукопись моей статьи "Воспроизводство населения" для "Демографического энциклопедического словаря" один из них давал рекомендацию сократить число ссылок на "буржуазных" демографов, сторонников так называемой "чистой демографии" (Лотки, Кучинского, Буржуа-Пиша, Кейфица, Коула и Демени); в списке литературы больше должно быть указаний на отечественные источники и меньше на иностранные.

Упреки в "буржуазности", ссылки на "классиков марксизма" были обычным элементом официального диалога с западной наукой. При этом мысли "классиков" мало кого интересовали. Для многих прикрытие "марксизма" создавало основания для того, чтобы игнорировать современную методологию демографических исследований, быстро развивавшуюся на Западе, как якобы ненаучную. Другие, напротив, использовали его в декоративных целях, создавали видимость идеологической благонамеренности именно для того, чтобы замаскировать свой интерес к этой методологии. Но в любом случае марксизм никогда не был единой

методологической базой всех демографических исследований в СССР, как это постоянно утверждалось. Их реальная методологическая база была крайне эклектичной. Это не имело большого значения, когда речь шла о преимущественно количественном анализе. Но когда дело доходило до истолкования и объяснения демографических изменений и их последствий, искаженный и догматизированный марксизм причудливо перемешивался с обрывками случайно занесенных современных западных идей, что порождало странную наукообразную смесь, позволявшую видеть реальную жизнь, словно в плохо наведенный бинокль.

Идеологический контроль. Стремление демографии конституироваться в качестве самостоятельной научной дисциплины встретило мощное противодействие, в частности, со стороны весьма влиятельного в то время руководителя демографической статистики страны П.Г.Подъячих, и конечно же, было облечено в идеологические одежды: идея "заимствована у буржуазных ученых" и "базируется на том, что в основе развития общества лежат якобы вечные и неизменные биологические законы" [7].

Идеологические обвинения пускались в ход всякий раз, когда возникало подозрение в малейшем свободомыслии. В 1970 году, пытаясь воспрепятствовать присуждению степени доктора наук Я.Гузеватому, положительно отзывавшемуся о политике планирования семьи в развивающихся странах, тот же Подъячих обратился в высшие партийные инстанции, сообщая "новые данные об искажении и ревизии взглядов Маркса, Энгельса и Ленина"... В своем письме он напоминал, что ему "по поручению самого же ЦК КПСС уже почти 10 лет приходится организовывать работу по освещению марксистско-ленинской теории народонаселения на международных конференциях, симпозиумах и совещаниях, а как представителю СССР в Комиссии ООН по народонаселению... даются письменные задания отстаивать на ее сессиях марксистско-ленинскую точку зрения и критиковать буржуазные теории" (я цитирую документы, переданные мне Я.Гузеватым незадолго до его смерти).

Подобные обвинения уже не имели тех последствий, что за двадцать-тридцать лет до того, но все же были далеко не безобидными. В 1979 году В.А.Борисов был отстранен от преподавания демографии в Московском экономико-статистическом институте за то, что порой позволял себе умеренно-вольные высказывания. Обстоятельства подталкивали новое поколение демографов к конформизму, который часто переплетался с добровольным доношением. Эта зараза тянулась еще с 30-х годов, когда демографию уничтожали руками самих же демографов. Тогда, например, Б.Смулевич, впоследствии сам арестованный, публично охаял обреченный ленинградский демографический институт³. То же было и с киевским институтом. В Центральной научной библиотеке Академии наук Украины сохранились рукописи

³ Имеется в виду его статья "Усилить внимание демографическому фронту", опубликованная в "Вестнике Коммунистической академии" (1934, N 4). Жизнь полна парадоксов. Почти 30 лет спустя, пройдя через арест и лагерь, Смулевич направил в редакцию журнала "Коммунист" письмо о необходимости возрождения в СССР двух научных дисциплин - демографии и социальной гигиены ("О двух забытых областях социологических исследований". "Коммунист", 1963, N 17, С.81-87). Сам факт публикации в главном партийном журнале страны этого письма и материалов его благожелательного обсуждения сыграл важную роль в последующем подъеме демографии.

статей-доносов тех лет [8]. "Анализ продукции Демографического института, — говорится в одной из них, — показывает, что он еще и сегодня остается тем тихим уголком, куда не заглядывал пока глаз нашей марксистской критики, и поэтому там смогли свить себе гнездо буржуазные концепции, основанные на апологетической буржуазной методологии". О директоре института Птухе говорилось, что он "был и остается буржуазным ученым и апологетом буржуазной науки" [9, с.82, 42].

В послевоенной демографии тоже было немало подобных статей-доносов, адресованных не столько читателю, сколько "начальству" — в надежде, что оно "примет меры" против идеологических отступников. Но даже если речь шла о бескорыстной "идейной" критике, она, как правило, воспроизводила старые идеологические клише. Вот любопытная иллюстрация. Одно из обвинений, предъявлявшихся Птухе, заключалось в том, что "во всех трудах академика от демографии нет ни одного слова о Марковом законе народонаселения, о смене закономерностей развития народонаселения в зависимости от смены общественного способа производства..." [9, с.53]. Ровно сорок лет спустя мы читаем подобное же обвинение в адрес другого демографа, А.Кваши, который, "взявшись писать работу, претендующую научно исследовать ... "весь комплекс демографических процессов"..., не посвятил ни одной страницы вопросу о законах развития народонаселения, вообще не пользуется такими понятиями, как "закон народонаселения" [10]. Парадокс заключается в том, что автор этой публикации считает себя учеником Птухи, статья посвящена его памяти, а в том же выпуске "Демографических тетрадей" публикуются материалы из архива мэтра по случаю 90-летия со дня его рождения.

Трудно поверить, что еще в 1985 году были люди, искренне убежденные, что "в условиях обостряющейся классовой борьбы в сфере изучения народонаселения в качестве важнейшей выдвигается задача противостоять методологической линии буржуазной науки" [11]. Тем не менее не только писали, но порой и жили так, как будто это была правда. Само собой разумеется, далеко не всегда речь шла о борьбе идей, идеологические обвинения чаще служили целям карьеры или сведения личных счетов. Вот один из примеров, относящийся к сравнительно недавнему прошлому и дающий представление об истинной атмосфере "классовой борьбы в сфере изучения народонаселения".

В 1982 году три географа опубликовали статью, в которой довольно успешно воспроизводили стиль идеологических проработок 30-х — 40-х годов. В ней говорилось о "распространении... глубоко ошибочных взглядов, по существу представляющих собой некритическое восприятие и перенос на отечественную почву зарубежной практики и соответствующих теоретических концепций. Эти взгляды, не вполне соответствующие положениям марксистско-ленинской теории общественного развития, уже подвергались критике..., однако их пропаганда продолжается" [12]. Формально речь шла о разных взглядах на проблему роста больших городов, которая тогда активно обсуждалась географами и демографами. Но за высокоидейной риторикой статьи легко угадывалась банальная попытка дискредитировать авторитетного ученого Г.М.Лаппо, заведовавшего в то время отделом географии Института географии Академии наук, и, может быть, отвоевать в свою пользу его пост. 1982 год отличался от 1952-го, научная общественность оказалась не такой беспомощной, статья встретила противодействие, атака на Лаппо захлебнулась [12]. Однако кое-кто попытался продолжить ее другими

средствами в результате мы располагаем документом, проливающим свет на то, что облекалось порой в респектабельные формы академической "идейной" критики. Недели через две после неблагоприятного для авторов статьи обсуждения в Географическом обществе один из его участников получил анонимное письмо (может быть, таких писем было и больше, я знаю об одном). Прочитываем те его места, которые вообще поддаются цитированию: "Тупорылая харя..., завалились вы с Лаппошей крепко, вами теперь в ЦК занимаются. Поди не знали, что именно по нашим рекомендациям XXVI съездом партии запрещено крупным городам дальше расти. Мы и не то еще можем. Поэтому заткнись, иначе тебе будет худо... Захотим, так из института вышвырнем твое ... чадо, у нас там есть своя рука... Что, заметался? То-то, сволочь литературная! Заткнись!".

Трагедия демографии тридцатых годов в восьмидесятые повторялась как фарс. Вершиной его, пожалуй, была распря двух заметных московских демографов, докторов наук и членов КПСС, один из которых написал на другого "телегу" с обвинением в распитии спиртного во время международного научного семинара (дело было во время антиалкогольной кампании 1986 года, такое обвинение было отличным средством устранения конкурента).

К концу 80-х годов подобные игры утратили смысл, куда-то подевались все борцы за идейную чистоту, а демография осталась с тем научным багажом, какой ей удалось накопить.

Главные направления исследований

Дискуссия о предмете демографии. Возобновление исследований после длительного перерыва, разрыв научной традиции и в то же время изменения самих демографических реалий, поиски институциональных форм развития демографии — все это требовало ее "самоопределения", делало почти неизбежными споры о ее предмете. Такие споры (иногда, как мы видели, с идеологическим подтекстом) велись в 60-е годы^{4,4}, они вылились в дискуссию на страницах журнала "Вестник статистики" [13], но были обычными и в других изданиях. В дискуссиях тех лет были представлены самые разные точки зрения. Наряду с приверженцами крайне узкого понимания демографии как демографической статистики были и сторонники непомерного расширения ее предмета, создания "комплексной науки о народонаселении", "системы знаний о народонаселении", охватывающих едва ли не все области жизнедеятельности людей. С течением времени эти споры приобретали все более схоластическое звучание. Но параллельно с ними разворачивались конкретные исследования, которые способствовали определению центра интересов демографической науки гораздо больше, чем самые изощренные теоретические доводы. Таким центром стали проблемы воспроизводства населения.

Термин "воспроизводство населения" вошел в русскоязычную литературу в период между войнами под влиянием работ Кучинского, но сейчас используется в ней чаще, чем в англосаксонской или французской, и имеет несколько иную смысловую нагрузку. Он покрывает то, что в англоязычной литературе называется *population growth and replacement*, и даже выходит за рамки этих понятий. Сюжеты, относящиеся к воспроизводству населения, понимаемому

⁴ Несколько ранее, в начале 60-х годов, такая дискуссия прошла в Чехословакии, ее материалы, опубликованные в пражском журнале "Demografia" (1963, 3, 4), были переведены на русский язык и подготовлены к изданию, но оно не состоялось.

как "его возобновление вследствие естественной смены поколений" [14], и находившиеся в центре внимания исследователей на протяжении трех последних десятилетий, включали в себя все, что было связано с рождаемостью и смертностью, их непосредственной детерминацией (в этом контексте большое внимание уделялось процессам формирования семьи и брачно-семейной структуры населения), а также их последствиям — динамике численности и возрастного состава.

В 60-е — 70-е годы в СССР некоторые демографы настаивали на расширительном толковании "воспроизводства населения", включая в него миграцию и даже воспроизводство социальной структуры. Но на практике изменения социальной структуры, конечно, не были предметом непосредственного изучения демографов; они разграничивают также воспроизводство населения и миграцию. При отборе материала для настоящей статьи я тоже придерживался этого разграничения, соглашаясь с трактовкой демографии как "науки о закономерностях воспроизводства населения в общественно-исторической обусловленности этого процесса" [15].

Методы анализа. Одной из первых задач возрождавшейся науки было "восстановление формы" в смысле владения классическими методами демографического анализа (довоенная демография находилась в этом смысле на высоком уровне). Это относится, в частности, к составлению демографических таблиц. Помимо построенных после долгого перерыва таблиц смертности (об этом см. ниже), были составлены также (на основе данных выборочных обследований) таблицы брачности, общей и брачной рождаемости женщин СССР [16]. В ряде работ рассматривались методологические вопросы построения демографических таблиц и их использования для анализа и прогноза [17]. Довольно быстро эти таблицы стали важным, хотя и не очень распространенным инструментом анализа.

Одновременно происходило обогащение традиционных методов наблюдения и описания демографических процессов. Стали широко использоваться выборочные демографические опросы, чтобы получить более подробную объективную информацию о семейной и прокреативной биографии женщин, их распределении по числу рожденных детей, возрасту, брачному состоянию, социальному положению и т.д., а также выявить прокреативные намерения женщин и объясняющие их факторы. Методология этих опросов частично опиралась на традиции советских, так называемых анамнестических обследований 20-х годов, но в еще большей мере формировалась под влиянием более новых западных исследований, в частности, американских опросов 1955 и 1960 годов. Самой значительной была серия обследований, проведенных ЦСУ СССР в 1960-1985 годах (в 1960 г. было опрошено 43,7 тыс. женщин, в 1967 — 236, в 1972 — 347,3, в 1975 — 361,6, в 1978 — 330,7, в 1981* — 335,4 тыс.). В 1985 г. соответствующие вопросы задавались в ходе микропереписи, охватившей 5% населения. Исследователи получили информацию, которая, в свою очередь, позволила расширить арсенал применяющихся в анализе показателей. Стало возможным оперировать такими величинами, как число детей, рожденных одной женщиной или в одной семье, вероятность увеличения семьи в зависимости от уже имеющегося числа детей, величина протогенетического и интергенетического интервалов. Существенным методологическим нововведением было применение продольного (когортного) анализа. Стремление к более глубокому

пониманию внутренних формально-математических зависимостей воспроизводства населения, а также его взаимодействия с другими социальными процессами привело к некоторому развитию математического моделирования демографических процессов [18].

Изучение рождаемости. Падение рождаемости, ставшее особенно заметным в начале 60-х годов, обострило интерес к анализу рождаемости и ее социальных детерминант, который сразу же натолкнулся на недостаток информации. Тогда и началось активное проведение выборочных опросов. Они дали много новой информации, в частности, позволили восстановить прокреативную историю женских когорт, начиная с поколений 1890-1894 годов рождения, чего нельзя было сделать на основе данных официальной статистики. Это новаторское для своего времени исследование было выполнено представителем старшего поколения демографов Р.И.Сифман, которая впервые убедительно показала, что снижение рождаемости в СССР в 60-е годы было не так уж неожиданно⁵. Оно началось давно, но долгое время маскировалось резкими колебаниями поперечных показателей. Когортные же показатели уменьшались постепенно, от поколения к поколению, по крайней мере, у всех когорт начиная с конца прошлого века [19]. Интерес к когортной рождаемости сохранялся и в последующие десятилетия, когда накопление новой информации о возрастной рождаемости, ставшей регулярной с конца 50-х годов, сделало возможной реконструкцию когортных показателей, — правда, за относительно короткий период, начиная с женских поколений предвоенных лет. Для СССР в целом это сделал Б.Урланис, позднее подобные оценки были получены для всех республик [20].

Выборочные опросы 60-х — 80-х годов дали большой материал для анализа социальной, этнической, региональной дифференциации рождаемости и подготовили пересмотр широко распространенных в то время в стране теоретических представлений, согласно которым существовала "прямая связь" между рождаемостью и уровнем благосостояния. "Высокая рождаемость в СССР является следствием непрерывного роста благосостояния трудящихся", — говорилось в Большой Советской Энциклопедии [21].

Уже первые эмпирические исследования 60-х годов [22] показали несостоятельность представлений о "прямой связи" и заставили вспомнить исследование известного экономиста С.Г.Струмилина, указавшего на существование "обратной связи" еще в 30-е годы (правда, впервые его работа "К проблеме рождаемости в рабочей среде" была опубликована в 1956 году). Авторы последующих работ обратились к анализу более широкой системы социально-экономических и социально-культурных связей. Изучение территориальных и социальных различий рождаемости позволило лучше понять такие многообразные ее факторы, как этнокультурные особенности, уровень образования, величина доходов, жилищные условия, физиологическая стерильность и другие [23].

Следующим этапом стало осмысление сложного взаимодействия всех этих факторов в рамках единого концептуального подхода. В начале 70-х годов появляются первые работы, использующие уже хорошо известную к тому времени на Западе концепцию демографического перехода [24]. Возрос интерес к теории прокреативно-го поведения. Развернувшаяся в связи с этим дискуссия способствовала развитию двух различных подходов к

⁵ Р.И.Сифман была уже на пенсии, когда (в 1964 году) была приглашена А.Боярским и А.Волковым на работу в отдел демографии только что созданного НИИ ЦСУ СССР, где она проработала еще почти 14 лет.

объяснению снижения рождаемости в процессе демографического перехода. При одном подходе прокреативное поведение рассматривается не как самостоятельное и суверенное, а как производное и подчиненное другим видам поведения, например, экономическому. Соответственно падение рождаемости в наше время объясняется снижением *полезности* детей для индивида или семьи. Сторонники этого подхода нередко ссылались на австралийского демографа Дж.Колдуэлла (в частности, на его идею об изменении направления межпоколенных потоков благ), на некоторых других западных авторов и вслед за ними настаивали на том, что, поскольку в современных условиях дети стали экономически, психологически или социально невыгодны, сокращается *индивидуальная потребность в детях*, что и приводит к необратимому снижению рождаемости [25].

С точки зрения другого подхода, прокреативное поведение имеет собственную систему социальной детерминации, относительно независимую от систем детерминации экономического или каких-либо других видов поведения. Мотивационная основа поведения связывается не с конкретной полезностью его результата для отдельного человека или семьи, а с *системой ценностей*, которые формируются на социетальном уровне и отражают интересы социального целого, а не его отдельных элементов. Оспаривается сам факт существования массовой многодетности в прошлом, якобы бывшей ответом на высокую "потребность в детях" (ибо высокая смертность сводила на нет результаты высокой рождаемости, так что конечное число детей мало отличалось от сегодняшнего), а также целерациональный характер традиционного демографического поведения, не знавшего свободы индивидуального выбора. Современная низкая рождаемость объясняется не тем, что сократилась "потребность в детях" и понизилась их ценность, а тем, что появилась свобода выбора и увеличилась ответственность родителей при принятии прокреативных решений [26].

Дискуссия не привела, разумеется, к "победе" одного из подходов, но, как мне кажется, очертила некое "проблемное поле", способное привлекать внимание исследователей и по сей день.

Исследование проблем семьи. Исследование рождаемости, механизмов ее детерминации, возможностей воздействовать на нее мерами политики обусловило интерес демографов к изучению семьи. Они неизбежно вторгались в смежные отрасли знания, например, в социологию семьи, но всегда существовало стремление более четко очертить области, принадлежащие демографии. Это отразилось, в частности, в структуре и даже названии обобщающей монографии А.Г.Волкова [27]. Главные области интереса демографов: формирование и демографическое развитие семьи (заключение и прекращение браков, рождение детей, их последующее обособление и т.п.), изменения семейной структуры населения, демографическая составляющая семейной политики.

Первым заметным исследованием в этих областях в послевоенные годы была работа Л.Е.Дарского, построившего таблицы брачности женщин в СССР по данным одного из упоминавшихся выборочных опросов (1960 г.) [28]. В дальнейшем усилия Дарского и других исследователей (В.А.Беловой, И.П.Ильиной, М.С.Тольца, А.Б.Синельникова, Л.В.Чуйко) были направлены на выявление эволюционных изменений в брачности в нашей стране в XX веке, а также пертурбационного воздействия на нее Второй мировой войны. Было показано, что, в отличие от рождаемости, брачность на протяжении столетия менялась мало, по

мере ослабления последствий войны происходил возврат к ее довоенной модели с характерным для нее относительно ранним вступлением в первый брак и низким уровнем окончательного безбрачия. Таблицы брачности, построенные уже в 80-е годы, не давали оснований предполагать, что в СССР имеет место статистически значимая тенденция к отказу от брака и предпочтению ему одиночества или каких-либо иных альтернативных форм половых союзов, как это имеет место в некоторых странах Запада" [29]. Все же какие-то альтернативные формы, видимо, развивались, но официальная статистика не давала необходимых сведений об этом. Попытка учесть незарегистрированные браки в России впервые (если не считать эксперимента в одном из районов при пробной переписи 1967 года) была предпринята при микропереписи 1994 года.

Процесс формирования брачных пар, особенно при первых браках, привлекал, пожалуй, наибольшее внимание демографов, хотя наряду с этим изучались разводы и повторные браки, много внимания уделялось семейной структуре населения, в которой произошли очень большие сдвиги, связанные с нуклеаризацией семьи, изменением ее жизненного цикла, снижением рождаемости и т.д. Довольно много исследований было посвящено изучению этих сдвигов, их систематизации, демографической типологии семей (А.Г.Волков, Э.К.Васильева, И.А.Герасимова и другие).

Семья интересовала демографов и как главный объект демографической политики. Вначале почти всеобщим было убеждение, что с помощью такой политики можно сдержать падение рождаемости или даже повысить ее уровень. Существовала довольно большая литература по этому вопросу, хотя практика демографической политики в СССР, по сравнению со многими другими западно- и восточноевропейскими странами, была весьма скромной. По мере накопления своего и чужого опыта и знаний эта уверенность ослабевала, и место откровенно пронаталистской демографической политики в сознании многих специалистов занимала семейная политика, призванная прежде всего повысить качество жизни семей с детьми и только во вторую очередь, может быть, повысить рождаемость [30].

В связи с обсуждением проблем рождаемости некоторые демографы пытались возродить "социалистическую" догматику, касающуюся будущего семьи. Они полагали, что "те индивиды, воспроизводство и использование рабочей силы которых в основном происходит в семье, отличаются более низким социальным качеством... Именно на этой основе в социалистическом обществе развивается эмпирически фиксируемая система индивидуальной мотивации стремления к ограничению числа детей в семье" [31]. Отсюда и убеждение в том, что "решение демографических проблем развитого социалистического общества лежит на путях дальнейшего обобществления труда в сфере содержания и воспитания подрастающего поколения" [32]. У такой логики, восходящей к идеям Платона и Кампанеллы и популярной в СССР в 20-е годы, все еще было немало сторонников. Но в демографической среде она не получила большой поддержки. "Мы не можем согласиться, — писал Б.Урланис, — с точкой зрения некоторых ученых, считающих, что нужно расширить сеть детских учреждений так, чтобы воспитание ребенка целиком проводилось в этих учреждениях... Никакой социальный институт не может заменить ребенку материнскую ласку и заботу в первый период его жизни" [33]. Большинство демографов связывало надежды на повышение рождаемости с ростом семейных ценностей, и эта позиция способствовала ослаблению веры в скорое

отмирание семьи и ее замену общественными институтами.

Изучение смертности. В отличие от рождаемости, смертность долгое время сравнительно мало интересовала советских исследователей. Общество не было информировано об истинном положении вещей. Курьезным примером может служить заявление, возможно, искреннее, одного из высших руководителей СССР А.Микояна (1954 г.): "Если до революции смертность в России была вдвое выше, чем в США и Англии, и почти в два раза выше, чем во Франции, то сейчас в СССР она ниже, чем в США, Англии и Франции" [34]. Эта оценка, сделанная на основе сопоставления общих коэффициентов смертности, примерно соответствовала тогдашнему уровню демографических знаний, но никак не соответствовала действительности. Хотя смертность в то время действительно снижалась, она никогда не была ниже, чем в большинстве западных стран. На рубеже 50-х и 60-х годов СССР занимал 22 место по ожидаемой продолжительности жизни среди 35 стран с самой низкой смертностью, однако возможно, что его истинное место было и ниже, так как официальные оценки ожидаемой продолжительности жизни, скорее всего, были завышенными. В середине 60-х годов снижение смертности прекратилось, а возможно, начался и ее некоторый рост (иногда этот рост ставится под сомнение: ухудшение показателей могло быть следствием улучшения учета).

Реакция демографов на такое изменение ситуации не была адекватной. Даже в научной литературе, правда, не чисто демографической, долгое время можно было встретить тезис об СССР как стране самой низкой смертности. Те же специалисты, у которых было верное общее представление о происходящем, не имели возможности публиковать данные, которыми они располагали, и не могли углубить свои знания, потому что у них не было доступа к необходимой для этого более подробной информации. Даже построение обычных таблиц смертности наладили не сразу. Первые полные таблицы для СССР и союзных республик после войны были построены только по материалам переписи 1959 года, до этого "предпринимались попытки построения кратких таблиц смертности на основе расчетных данных о возрастных численностях населения только по стране в целом (за 1954-1955, 1955-1956, 1957-1958 гг.)" [35]. Регулярное ежегодное составление полных таблиц смертности для СССР, союзных республик, а в некоторые годы — для автономных республик, краев и областей наладилось только с начала 70-х годов. Только в середине 70-х были построены первые таблицы смертности по причинам смерти для СССР и союзных республик за ряд лет после 1966 года, но даже самый общий их анализ появился лишь в 1990 году.

К этому времени положение изменилось, обсуждение проблем смертности приобрело открытый характер. Исследования резко активизировались, но наверстать упущенное время оказалось непросто. Составление разнообразных таблиц смертности (по регионам, по причинам смерти и т.п.) при современной компьютерной технике — дело сравнительно несложное. Однако это далеко не решает всех накопившихся проблем. Так, тщательно скрывавшаяся информация о смертности оказалась не очень качественной, и потребовалась ее коррекция. Уже несколько лет реализуется чрезвычайно трудоемкий российско-французский проект, направленный на то, чтобы скорректировать данные о причинах смерти по всем постсоветским государствам и привести их в соответствие с современной международной номенклатурой причин смерти. Пока это не сделано, сравнительный анализ — сильнейший

инструмент познания — невозможен.

Не лучше обстоит дело и с объяснением неблагоприятных тенденций смертности. По мнению ряда исследователей, они обусловлены неспособностью советского общества осуществить "вторую эпидемиологическую революцию" [36], в этом можно видеть фундаментальную причину затяжного эпидемиологического кризиса. Но почти не изучены и не поняты конкретные механизмы, тормозящие переход, их социокультурные или иные детерминанты, нет специалистов, владеющих методологией такого изучения.

Анализ региональных особенностей демографических процессов. Одной из главных черт демографических процессов в СССР во второй половине XX века были огромные региональные различия, превращавшие страну в своеобразную модель мира со своим "третьим миром", "севером", "югом" и т.п. Отсюда и повышенный интерес к анализу региональной дифференциации демографических процессов.

Особенно заметной была дифференциация рождаемости, процессов формирования семьи и ее демографических типов — здесь нередко наблюдались двух-, трехкратные и даже большие различия показателей. Например, в конце 70-х годов коэффициент суммарной рождаемости составлял в Латвии 1,88, в Таджикистане — 5,76, средний размер семьи — соответственно 3,1 и 5,7 человек; доля семей, имеющих трех и более детей до 8 лет, — 4,4% и 49,6%; число разводов на 1000 супружеских пар — 22,1 и 8,6 и т.п. Изучение этих и подобных им различий, факторов, детерминирующих тот или иной тип демографического поведения, стало одним из главных направлений исследовательской деятельности. Несмотря на концентрацию научных центров в Москве, немало исследований велось и в других городах, особенно в столицах союзных республик. Ограничимся двумя примерами, относящимися к республикам с диаметрально противоположной демографической ситуацией. С одной стороны, это исследование латвийскими демографами (П.Эглите с соавторами) различных аспектов демографического поведения в типичной для их республики постпереходной ситуации [37]. С другой стороны, это работы узбекских демографов по изучению тех же проблем, но на ранних стадиях демографического перехода [38].

С самого начала было ясно, что главным фактором, предопределявшим региональное своеобразие, был этнический. Поэтому уже при анализе результатов первых крупных общесоюзных опросов были выделены основные группы национальностей, или этнодемографические группы, резко различавшиеся характеристиками демографического поведения, усилился интерес к его этнокультурной детерминации. Но в то же время углубление исследований и новые факты указывали на то, что ссылка на "этнический фактор" сама по себе ничего не объясняет. Совсем недавно сменили тип своего демографического поведения восточнославянские народы СССР, на глазах то же самое происходило у молдаван, армян, назревало у азербайджанцев и т.п. Постепенно осознавалось, что "выделение особого национального фактора рождаемости требует оговорок", ибо в прошлом традиции многодетности существовали у всех народов, переход к малодетности не был связан с изменением основных этнических особенностей [39].

В конце концов региональные или этнические особенности демографических процессов стали все чаще толковаться как *исторические* — в духе теории демографического перехода, а типологические группы укрупнились. Например, если при анализе результатов крупных обследований рождаемости в 60-е — 70-е годы

выделялись четыре этнодемографические группы, то в 80-е речь шла уже только о двух группах — допереходной и постпереходной, иногда говорили о трех группах, или типах — допереходном, переходном и постпереходном [40]. Впрочем, полного единодушия в истолковании региональных или этно-региональных особенностей не было, часть демографов продолжала рассматривать высокую рождаемость (в частности, в Средней Азии) не как переходящую историческую черту, а как не подлежащую изменению этническую или религиозную традицию.

Общая оценка демографической ситуации. Анализ отдельных демографических процессов в СССР подготовил появление синтезирующих работ, которые содержали обобщенный взгляд на воспроизводство населения в целом. Динамика показателей была типичной для стран, переживавших демографический переход. С 1926 по 1970 годы коэффициент естественного прироста упал с 23,7 до 9,2 промилле, нетто-коэффициент воспроизводства — с 1,680 до 1,126, нетто-потенциал демографического роста — с 1,44 до 1,17, доля лиц в возрасте 60 лет и старше выросла с 6,7 до 11,8% [41].

Однако население СССР было демографически неоднородным. В основном перемены происходили в России и большинстве европейских республик, где нетто-коэффициент воспроизводства все чаще опускался ниже 1 — в Латвии и Эстонии с конца 50-х годов, на Украине и в России — с 60-х, в Белоруссии — со второй половины 70-х. Демографические прогнозы, составлявшиеся на рубеже 70-х — 80-х годов, предсказывали появление в этих республиках в конце века или в начале следующего отрицательного естественного прироста. Для них на первый план выходили проблемы, связанные с угрозой депопуляции и нарастающим старением населения. В то же время другие республики, прежде всего среднеазиатские, переживали "демографический взрыв", здесь нетто-коэффициент воспроизводства часто превышал 2, иногда даже 2,5, население росло небывалыми в их истории темпами, сохраняя при этом "молодую" возрастную структуру; приходилось задумываться прежде всего о том, как замедлить рост населения.

В 80-е годы наличие в разных частях страны двух противоположных демографических ситуаций было уже хорошо осознано демографами и все более внимательно и углубленно изучалось ими. Нередко они не ограничивались чисто академическими исследованиями, оказывались вовлеченными в общественные дебаты, связанные с общей оценкой ситуации. В СССР, как и везде, это приводило к поляризации взглядов внутри самой демографической науки.

Применительно к "европейской" ситуации низкой рождаемости эта поляризация проявлялась прежде всего в отношении к пронаталистской демографической политике. Хотя падение рождаемости ниже уровня простого воспроизводства не приветствовалось никем из демографов, часть из них избегала излишней драматизации ситуации. Эти ученые считали, что речь идет о закономерном эволюционном процессе, в ходе которого не только разрушаются прежние стимулы к деторождению, но и создаются новые, которые в конечном счете способны приостановить падение рождаемости. Но эти стимулы нельзя создать искусственно, перепрыгивая через необходимые этапы развития. Представления о возможности управлять рождаемостью с помощью политики — иллюзия, опровергнутая опытом многих стран. Поэтому следует направлять усилия не на противодействие семьям в реализации их демографических намерений, а на то, чтобы максимально содействовать реализации этих намерений [42]. Такая позиция

вызывала критику со стороны про-наталистски настроенных демографов. Они считали ее пассивной и настаивали на выработке активной политики, направленной на усиление "потребности в 3-4 детях" [43].

Не было единодушия и в отношении "азиатской" ситуации высокой рождаемости. Часть демографов полагала, что "ломка старой традиции многодетности и нерегулируемой рождаемости... является важнейшей задачей оптимизации демографического развития" и "подписалась под тезисом о необходимости устранить демографическую исключительность (имеется в виду многодетность) целых народов с помощью широкой пропаганды и распространения современной контрацепции и активного вовлечения женщин в общественное производство" [44]. В то же время другие авторы утверждали, что условия социализма "создают для среднеазиатских народов широкие возможности для проявления национальных традиций, в том числе и традиции многодетности", а "общая направленность политики в области рождаемости... во всех социалистических странах состоит во всемерном ее поощрении" [45].

До середины 80-х годов споры велись преимущественно в научной среде. В последние десять лет демографические сюжеты стали едва ли не обязательным элементом общеполитических дискуссий. При этом многое изменилось и в самой ситуации — и демографической, и политической. В частности, Россия более ощутила последствия длительного снижения рождаемости, естественный прирост ее населения начиная с 1992 года стал отрицательным, в общественном мнении начало складываться представление, что страна переживает необыкновенную демографическую катастрофу. В этой обстановке профессиональные демографы подчеркивают, что, несмотря на некоторые новые моменты, нынешняя демографическая ситуация предопределена тенденциями прошлых десятилетий. Вероятно, можно согласиться с тем, что Россия переживает демографический кризис, особенно если говорить о смертности, но это — не новое явление, современный демографический кризис начался в СССР в середине 60-х годов.

Историческая демография. Изучение демографической истории России и СССР, равно как и зарубежных стран, было идеологически несколько более нейтральным, чем исследование текущих проблем, видимо, поэтому оно не совсем прервалось в 30-е — 40-е годы. Не случайно уже упоминавшиеся наиболее значительные книги первого послевоенного периода имеют историко-демографическое содержание. Но, конечно, и в этой области рубеж 50-х и 60-х годов принес значительное оживление, которое обычно связывают с деятельностью В.К.Яцунского и его учеников [46]. Характерные примеры исследований этого периода — монография В.М.Кабузана, основанная на анализе ревизий XVIII — первой половины XIX веков (а также другие его публикации) или обобщающая монография Я.Е.Водарского о динамике населения России [47]. Но одновременно уже в 60-е годы во многих изданиях по всей стране появляются более частные публикации, посвященные демографической истории разных районов России, особенно Сибири, союзных и автономных республик. Часто их лишь условно можно назвать *историко-демографическими*, они не идут дальше анализа (не всегда критического) данных о численности, размещении или социальной структуре населения, но "эти работы... дали толчок к последующему изучению демографических процессов" [46, с.230].

В самом деле, если поначалу историко-демографические исследования вели в основном историки, то уже со второй половины

60-х годов к ним подключаются профессиональные демографы, растет их взаимный интерес. Начиная с 1974 года регулярно проводились совместные семинары и конференции по исторической демографии, с конца 70-х появляются публикации, посвященные уже истории демографических процессов как таковых. Часто они еще вполне традиционны, ибо довольствуются ограниченной статистической информацией, оставшейся от прошлого. Но иногда применяются и новые методы получения информации, например, метод восстановления истории семей, разработанный Л.Анри (в работах эстонского демографа Х.Палли).

На новый этап историческая демография вышла во второй половине 80-х годов, когда начали рушиться информационные и идеологические барьеры на пути изучения новейшей демографической истории страны. В центре внимания оказались демографические потери, обусловленные войнами и социальными катастрофами XX века, их изучение потребовало анализа сохранившихся архивных материалов, реконструкции многих демографических показателей, отсутствующих или фальсифицированных, и т.д. За рубежом такая работа велась и прежде. В частности, с конца 70-х годов стали появляться публикации живущего в США эмигранта из СССР Максудова (псевдоним А.Бабенышева), позднее многие из них были воспроизведены в книге на русском языке [48]. Но теперь в России и других республиках бывшего Союза эта работа приобрела систематический характер. Стали доступными и частично были опубликованы материалы из архивов Госкомстата, КГБ, Генерального штаба, например, сохранившиеся данные дискредитированной переписи населения 1937 года, не публиковавшиеся ранее результаты переписи 1939 года, подробные данные о потерях во всех войнах советского периода и т.п. Уже первые исследования, использовавшие новую информацию, позволили прояснить многие темные места демографической истории СССР после 1917 года, реконструировать непрерывные ряды демографических показателей за весь период, оценить величину людских потерь вследствие войн, революции, голода, политических репрессий [49]. Но пока изучена далеко не вся имеющаяся информация и использованы далеко не все инструменты анализа, которыми располагает современная демография. Недавнее демографическое прошлое страны еще ждет своих исследователей.

Демографические проблемы зарубежных стран. По сравнению со своими западными коллегами советские демографы уделяли немного внимания глобальным демографическим проблемам или демографическим проблемам зарубежных стран. Но все же такие исследования велись. Академические работы, посвященные истории мирового населения, демографическим проблемам земного шара, всех или некоторых стран третьего мира, могли быть очень добротными, содержали большое количество не известной читателю информации, расширяли его представление о современной демографической действительности [50]. Но, к сожалению, часто им были свойственны общие черты советской литературы тех лет: неконцептуальная описательность, вторичность по отношению к западным источникам информации и в то же время неубедительная идеологизированная полемика с зарубежными авторами. Как правило, эти исследования с большой натяжкой можно отнести к демографическим. Демографические показатели, которыми они часто изобиловали, использовались для иллюстрации политэкономических, культурологических или каких-либо иных идей, а не служили

материалом самостоятельного исследования. Исключения (вроде уже упоминавшейся книги Б.Урланиса "Войны и народонаселение Европы") были довольно редки.

Работа с зарубежным материалом имела и чисто прикладной смысл. Немногие из советских специалистов могли регулярно пользоваться Демографическими ежегодниками ООН, поэтому важное значение имели издававшиеся в СССР справочники, посвященные населению стран мира — иногда они готовились одним автором, но чаще — большим коллективом исследователей. Такой же смысл был и в публикациях обзорного типа, знакомивших читателя с практическим опытом зарубежных стран [51].

* * *

Послевоенная история советской демографии четко разделяется на три этапа. **Первый** — полтора десятилетия почти полного бесплодия. **Второй** — примерно четверть века оживленного развития, которое я пытался здесь охарактеризовать. Несмотря на очень скромные возможности, сравнительно немногочисленное сообщество советских демографов начиная с конца 50-х годов сделало немало для восстановления и развития своей науки. Отсутствие интереса со стороны властей имело и положительную сторону: дальше от царей — голова целей. Демография в это время развивалась, может быть, даже успешнее, чем иные области социального знания, обласканные властью. Но, конечно, это развитие не соответствовало интеллектуальным возможностям страны, а тем более масштабам ее реальных демографических проблем. Уровень демографических знаний и публикаций в СССР в 60-е — 80-е годы во многом напоминал их западный уровень в период между войнами. Описание преобладало над анализом, а тем более синтезом, отсутствие достоверной информации нередко восполнялось спекулятивными рассуждениями, объяснения часто основывались не на научной теории, а на обыденном здравом смысле.

Третий этап начался после 1985 года и продолжается до сих пор. Подводить его итоги еще рано, можно высказать лишь предварительные соображения. Он не принес ни советским, ни — впоследствии — российским демографам новых материальных или институциональных возможностей. Ни демографического института, ни демографического журнала не было в СССР — их нет пока и в России. Демографические исследования, как и прежде, ведутся в нескольких центрах, входящих в состав более крупных исследовательских или учебных учреждений, в основном в Москве, ни один из них не располагает удовлетворительным помещением, необходимой технической инфраструктурой, библиотекой, не имеет сколько-нибудь серьезного финансирования. (Напрашивается сравнение с положением демографии в США. Ее финансирование идет в значительной степени через Национальный институт здоровья. "Демография — единственная область социальных наук, имеющая такую точку опоры, и это часто служит причиной зависти к демографам со стороны их коллег, не имеющих доступа к финансовым ресурсам Национального института здоровья" [52]. Зависть коллег можно не только понять, но и разделить, ибо Комитет по демографическим исследованиям этого института ежегодно распределяет несколько десятков миллионов долларов индивидуальным исследователям для изучения демографических проблем — это не считая специальных грантов, которые получают демографические научные центры для поддержания исследовательской инфраструктуры.)

Экономический кризис в нашей стране еще больше ограничил

финансовые возможности науки, почти прекратился приток в нее молодых исследователей, сократилось число публикаций. Но другие очень важные перемены последнего десятилетия оказались благотворными. Исчезли многие препоны, которые всегда тормозили развитие советской демографии, она вышла из международной изоляции, отпали бесчисленные идеологические и информационные табу, коренным образом изменился интеллектуальный климат, в котором жила наука.

Часть демографов старшего поколения оказалась не вполне готовой к таким переменам психологически либо технически (знание компьютерной техники, современных методов количественного анализа данных, иностранных языков), но, по всей видимости, накопление сил на предыдущем этапе развития демографии дало свои результаты, в России оказалось немало специалистов, способных вести исследования на современном уровне. Исследователи из постсоветской России, особенно молодые, постепенно вписываются в мировое научное сообщество, участвуют в международных конференциях и семинарах, публикуются в западных изданиях [53], работают в совместных с европейскими и американскими учеными проектах. В качестве удачных примеров можно назвать многоплановое сотрудничество сразу нескольких московских центров с Французским национальным институтом демографических исследований (изучение проблем рождаемости, смертности, брачности, планирования семьи, работа над демографическим атласом, историко-демографические исследования) или совместная разработка демографами из Института статистики и экономических исследований Госкомстата РФ и из университета в Гронингене (Нидерланды) автоматизированной системы мониторинга и прогнозирования демографических процессов. Главный результат такого сотрудничества — не столько конкретные результаты проектов (хотя и они важны), сколько быстрый рост квалификации исследователей, осваивающих международные требования и стандарты.

Все это дает основания для оптимизма, позволяет надеяться, что третий, постсоветский этап послевоенной истории демографической науки, по крайней мере в России, окажется наиболее плодотворным и позволит ей с необходимой глубиной ответить на непростые вопросы, унаследованные от прошлого либо порожденные новейшим развитием. Впрочем, опыт XX века учит тому, что оптимистические надежды в России сбываются не всегда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Les ages de la vie. Actes du VII Colloque national de demographie, t.II Travaux et Documents. Cahier N 102. Paris, PUF, 1983. p.7.

2. Подьячих П.Г. Статистика населения, наука о народонаселении и наука демография. (О новых попытках ликвидации статистики как общественной науки). М.:ЦСУ СССР, 1969. С.24.

3. Боярский АЛ., Шушерин П.П. Демографическая статистика. М.: Госстатиздат,1951. С.3-4. Появление второго автора было, по-видимому, дипломатическим ходом, реальным или, во всяком случае, основным автором оставался А.Боярский.

4. "Московский университет". 14 марта 1949. N15-16. Автор благо дарит Е.Б.Урланис, предоставившую ему материалы из архива отца.

5. Таковы, например, книги А.Г.Рашина "Население России за

100 лет" (М.: Госстатиздат, 1956) и Б.Ц.Урланиса "Войны и народонаселение Европы" (М., 1960).

6. Библиография по проблемам народонаселения (1972-1975). М.: Статистика, 1977; Литература о населении: Библиографический указатель (1975-1978). М.: Статистика, 1981; Литература о народонаселении. Библиографический указатель (1979 — первая половина 1983). М.: Мысль, 1987; Демографический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1985; Народонаселение. Энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994.

7. Подьячих П.Г. О предстоящей Всесоюзной переписи населения и некоторых вопросах изучения проблем народонаселения // Вопросы демографии. Киев: Наукова думка, 1968. С.28.

8. Гарцман Б.М. Демографія на службі катталістичної реставрації (до критики буржуазно-реставраторських націоналістичних настанов акад. Птухи й Демографічного Інституту ВУАН). 1934. ЦНБ АН УССР, Отдел рукописей, шифр X-1049; Вірниц В.Ф., Руденко П.П. Демографічний фронт під вогонь марксистської критики. 1934. ЦБН АН УССР, Отдел рукописей, шифр X-1047. Автор благодарит АЛ.Перковского, предоставившего ему на звання материалы.

9. Вірник В.Ф., Руденко П.П. Демографічний фронт під вогонь арксистської критики. С.82.

10. Пискунов В.П. Эскиз общей схемы демологического представления о самовоспроизведении народонаселения (К уточнению основ теории демовоспроизводства). Демографические тетради (Киев). Вып.9, 1974. С.123.

11. Савиных З.Т. Демографическая политика: вопросы методологии изучения в свете классового подхода // Демоэкономика: вопросы теории и практики. Киев: ИЭ АН СССР. 1985. С.56.

12. Агафонов Н.Т., Лавров СБ., Хорее Б.С. О некоторых ошибочных концепциях в урбанистике. Известия Всесоюзного географического общества. 1982. Вып.6. С.533. См. отчет об обсуждении статьи: Лола А.М. Актуальные проблемы урбанизации и расселения // Известия АН СССР. Географическая серия. 1984. N 3, с.107-114.

13. Вестник статистики. 1969. N1,7; 1970. NN 1,6,7,9,11,12; 1971. N 2.

14. Основы теории народонаселения. М.: Высш. шк., 1973. С. 43-44.

15. Народонаселение: Энциклопедический словарь. М., Изд-во "Энциклопедия", 1994. С.113.

16. Дарский Л.Е. Формирование семьи. М.: Статистика, 1972.

17. Корчак-Чепурковский Ю.А. Перспективные исчисления населения с применением комбинированной таблицы доживаемости и по возрастной интенсивности миграции // Проблемы демографической статистики. М.: Статистика, 1966; Корчак-Чепурковский Ю.А. Влияние смертности в разных возрастах на увеличение средней продолжительности жизни // Изучение воспроизводства населения. М.: Статистика, 1968.

18. Модели демографических связей. М., 1972; Боярский АЛ. Население и методы его изучения. М.: Статистика, 1975; Баркалов Н.Б. Моделирование демографического перехода. М.: Изд-во Московского университета, 1984.

19. Сифман Р.И. Динамика рождаемости в СССР. М.: Статистика, 1974. С.40-52.

20. Урланис Б.Ц. Проблемы динамики населения СССР. М.: Наука, 1974. С.94-100; Вишневецкий А.Г., Щербов СЯ., Аничкин А.Б.

Новейшие тенденции рождаемости в СССР // Социологические исследования. 1988. N 3. С.59-67.

21. БСЭ. Изд. второе. Т.36. М., 1955. С.616.

22. Таубер Н.А. Влияние некоторых условий жизни на уровень брачной плодовитости // Проблем демографической статистики. М.:Статистика, 1966; Давтян Л.М. О зависимости между благосостоянием и рождаемостью // Там же.

23. Козлов В.И. Динамика численности народов. Гл. 2. М.: Наука, 1969; Бондарская Г.А. Роль этнического фактора в формировании территориальных различий рождаемости // Вопросы демографии. М.:Статистика, 1970; Шлидман Ш., Звидриньш П. Изучение рождаемости. М.: Статистика, 1973; Белова В.А. Число детей в семье. Гл. 4. М.: Статистика, 1975.

24. Кваша А.И. Этапы демографического развития СССР // Факторы рождаемости. М.: Статистика, 1971; Вишневский А.Т. Демографическая революция // Вопросы философии. 1973. N 2.

25. Борисов В.А. Перспективы рождаемости. М.: Статистика, 1976; Царский Л.Е. Рождаемость и репродуктивная функция семьи // Демографическое развитие семьи. М.: Статистика, 1979; Антонов А.М. Социология рождаемости. М.:Статистика, 1980.

26. Вишневский А.Г. О мотивационной основе рождаемости // Демографическое развитие семьи. М.: Статистика, 1979; Вишневский А.Г. Два исторических типа демографического поведения // Социологические исследования. 1987. N 6.

27. Волков А.Г. Семья — объект демографии. М.: Мысль, 1986.

28. Царский Л.Е. Формирование семьи. М.: Статистика, 1972.

29. Царский Л.Е., Ильина И.Л. Нормализация брачности в СССР // Демографические процессы в СССР. М.: Наука, 1990. С.27.

30. См. например: Эволюция семьи и семейная политика в СССР. М.: Наука, 1992.

31. Воспроизводство населения в условиях развитого социализма. Киев: Наукова думка, 1978. С.29.

32. Стешенко В.С. Демография в современном мире. М.: Статистика, 1978. С.206.

33. Урланис Б.Ц. Проблемы динамики населения СССР. М.: Наука, 1974. С.299.

34. Микоян А.И. Речь на первой сессии Верховного Совета СССР. М.: Госполитиздат, 1954. С.9.

35. Андреев Е.М. Продолжительность жизни и причины смерти в СССР // Демографические процессы в СССР. М.: Наука, 1990. С.92.

36. Вишневский А.Г., Школьников В.М., Васин С.А. Эпидемиологический переход и причины смерти в СССР // Экономика и математические методы. 1991. Т.1. Вып. 6.

37. Факторы и мотивы демографического поведения. Рига: Зинатне, 1984.

38. Демография семьи: Сб. статей. Ташкент: Изд. ТГУ, 1980; Мулладжанов И.Р. Демографическое развитие Узбекской ССР. Ташкент: Узбекистан, 1983.

39. Козлов В.И. Этническая демография. М.: Статистика, 1977.

40. Белова В.А., Бондарская Г.А., Царский Л.Е. Современные проблемы и перспективы рождаемости // Методология демографического прогноза. М.: Наука, 1988. С.65; Аничкин А.Б., Вишневский А.Г. Три типа рождаемости в СССР: этапы демографического перехода // Экономика и математические методы. 1991. Т.27. Вып. 4.

41. Воспроизводство населения СССР. М.: Финансы и статистика, 1983.
42. Волков А.Г. О необходимости воздействия на рождаемость // Рождаемость. М.: Статистика, 1976. С.59.
43. Антонов А.И. Социология рождаемости. М.: Статистика, 1980. С.265-269.
44. Мулляджанов И.Р. Демографическое развитие Узбекской ССР. Ташкент: Узбекистан, 1983. С.266, 274; Кадыров Ш. В защиту традиций // СССР: демографический диагноз. М.: Прогресс, 1990. С.562.
45. Атамирзаев О. Многодетная женщина: Социально-демографический анализ // Женщины на работе и дома. М.: Статистика, 1978. С.41; Атамирзаев О., Атакузиев А. Проблемы народонаселения и региональная демографическая политика // Коммунист Узбекистана. 1978. N 1. С.43-44.
46. Шелестов Д.К. Демография: история и современность. М.: Финансы и статистика, 1983. С.227.
47. Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. М.: Изд. АН СССР, 1963; Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI — начало XX в.) М.: Просвещение, 1973.
48. Максудов В. Потери населения СССР. Benson, Vermont, 1989.
49. Укажем лишь наиболее известное исследование последних лет: Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Население Советского Союза. 1922-1991. М.: Наука, 1993.
50. Козлов В.И. Динамика численности народов. М: Наука, 1969; Араб-Оглы ЭА. Демографические и экологические прогнозы М.: Статистика, 1978; Гузеватый Я.Н. Проблемы народонаселения стран Азии, Африки и Латинской Америки. М.: Наука, 1970; Гузеватый Я.Н. Демографо-экономические проблемы Азии. М: Статистика, 1980; Княжинская Л А. Рост населения и продовольственная проблема в развивающихся странах. М: Статистика, 1980; Петров В.В. Народонаселение Индии. М: Наука, 1978; Вяткин А.Р. Население Бирмы: историко-демографический очерк М: Наука, 1979.
51. Демографическая политика в современном мире. М.: Наука, 1989. Preston S. Where is US Demography Headed? Доклад на Конференции "1945-1995: полвека демографических исследований — итоги и перспективы". С.9; Demographic trends and patterns in the Soviet Union before 1991 // Ed. by W.Lutz, S.Scherbov and A.Volkov. London-New York: Routledge, 1994.